

Майкл

КОУНИ

Воплощенный идеал

Сизигия

Бронтомех!

Особый дар

*Здравствуй, лето...
и прощай*

Новороссийск
«ТЕССЕРАКТ»
2015

Майкл
КОУНИ

*Воплощенный
идеал*

Новороссийск
«ТЕССЕРАКТ»
2015

Michael G. Coney
MIRROR IMAGE
1972
SYZYGY
1973
BRONTOMEK!
1976
CHARISMA
1975
HELLO SUMMER, GOODBYE
1975

В оформлении суперобложки использована работа Джима Барнса
Иллюстрация в тексте Баркляя Шоу

Коуни М.
К74 Воплощенный идеал: Фантастические романы / Майкл
Коуни; [пер. с англ.]. — Новороссийск: Тессеракт, 2015. —
886 с. — (Шедевры фантастики)

© Перевод. Э. Башилова,
В. Борун, Н. Борун,
Т. Шинкарь, К. Плешков

•

*Воплощенный
идеал*

•

Глава 1

Над теплой, мутной водой, затопившей дельту во время прилива, стояли на сваях три грубо сколоченные бревенчатые хижины. Вот уже неделю жили в этих хижинах двенадцать мужчин и шесть женщин. Сегодняшним мрачным утром их стало на одного меньше. Не обращая внимания на водоворот, бурлящий вокруг свай, и все еще не оправившись от шока, Главный администратор поселения Алекс Стордал взбирался по грубо сколоченной лестнице. Тело погибшего Кейбла уплывало по воде лицом вниз. То есть лица как такового уже не было...

Хижины стояли треугольником, образуя своеобразный двор, заполненный водой. В открытых дверях этих избушек столпились поселенцы, они не отрываясь смотрели на бурлящую под ногами воду. А тело уплывало все дальше, цепляясь порой за искореженные корни мангровых деревьев. Здесь, в дельте, это была единственная растительность, не считая камыша. Теперь вода кипела вокруг Кейбла, сдирая с него одежду; участки белой кожи мелькнули и исчезли, потому что воду вокруг трупа окрасила кровь: косяк мелкой рыбешки набросился на тело, разрывая его острыми, как иглы, зубами.

— Всем оставаться на местах! — крикнул Стордал, но команда была излишней, поскольку никому не пришло бы в голову влезать в воду. Все видели, как, сверкнув на солнце, одна рыбешка выскочила из водоворота и впилась Кейблу в горло.

— Она прыгает, — пробормотал кто-то. — Я, — говоривший, нервно слотнув, уставился в смертоносный поток, — могу поклясться, что у нее крылья. — Где-то сзади тихо всхлипнула женщина.

Немного позже Стордал созвал людей.

— Это наше первое несчастье, — сказал он, вглядываясь в лица поселенцев. Он стоял у входа в Дом 1, позади него толпилось человек десять, а от Дома 2 и Дома 3 их отделяли футов пятьдесят мутной воды. Но никто не осмеливался пересечь залитый «двор». Подходило время отлива. Те, у кого были силы смотреть на останки Кейбла, могли заметить, что на грудной клетке почти не осталось плоти. В ветвях деревьев, склоненных над скелетом, скрывались неясные очертания какого-то амебообразного существа.

— Конечно, это ужасно, — продолжил Стордал, — мы поняли, что чужая планета нам враждебна. — Он напомнил колонистам, зачем их в свое время направили в дельту; культуры, привезенные с Земли, стало невозможно выращивать вблизи колонии. Взяв с собой мешки с проросшим высокосортным рисом, хорошо развивающимся в соленых водах, люди поселились на берегу моря. Рис должен был дополнить скудное меню колонии — до сих пор продукты завозили с Земли. Здесь, в дельте, соорудили рисовые делянки, и до трагического дня работа продвигалась неплохо; всходы тоже как будто появились дружные.

— Если вы, мистер Стордал, думаете, что я буду работать по колено в воде, да еще рядом с этой чертовой рыбой, — закричала женщина из Дома 3, — вы очень даже ошибаетесь!

Остальные поселенцы согласно загудели.

— Мы будем работать только во время отлива, — холодно ответил Стордал.

— А как проверить, не копошится ли эта нечисть на наших делянках? — нервно выкрикнул кто-то.

— А вот как, — ответил Стордал и начал спускаться на дно затопленного треугольника. Вода почти сошла, но все же его охотничьи сапоги почти полностью увязли в гуще ила и желтой глины. Люди с тревогой следили за каждым его движением.

— Убедились? Опасности нет, — с оптимизмом сказал Стордал. Он выбрался на глинистый берег, укрепленный деревянными сваями, потом снова прыгнул в воду и бесстрашно двинулся вперед, заботливо оглядывая ростки риса, уже показавшиеся над водой. Внутреннее напряжение Стордала выдавал лишь непривольный жест, каким он время от времени нервно прикасался к горлу, видно, вспоминая жуткую гибель Кейбла. Дьявольская рыбешка величиной и очертаниями напоминала пиранию, но у этой, насколько он успел заметить, верхний плавник имел вид тонкого прозрачного крыла. За неделю, что они жили здесь, такая

рыба встречалась впервые. Оставалась надежда, что хищница не поняла, сколько еды у нее появилось.

В тот же день, несколькими часами позже, земледельцев постигло новое несчастье. День стоял погожий, утренний дождь сменило солнце, и люди спокойно работали, забыв о недавних треволнениях. Женщины сажали рис, согнувшись и погружая руки в воду; мужчины укрепляли глинистый берег, вбивая в него сваи из мангрового дерева. Главный администратор забрался в Дом 1, чтобы передать в центр очередной рапорт и в свою очередь узнать последние новости.

Не успел он наладить связь с Биллом Майерсом, как услышал истошные крики, доносившиеся с делянки. Бросив микрофон, Стордал метнулся к выходу.

Воды прилива, начавшие затоплять блестящую грязь, волновались, рябили и в движении своем отбрасывали какие-то странные блики. Испуганно крича, люди изо всех сил колотили палками по этой грязи, кто-то пытался прорваться к избушкам, кто-то, упав, корчился в вязкой жиже, кто-то лежал неподвижно... А между телами мелькали серебряные рыбки.

Стордал кубарем слетел вниз по лестнице. «По домам!» — завопил он, выдергивая из кобуры лазерный пистолет.

Огромный сверкающий косяк рыб-убийц надвигался со стороны моря, его совсем не останавливало то, что вода едва покрывала дно. Хищницы чуть касались поверхности воды прозрачными крыльями, которые были раскрыты и трепетали; рыбешки выпрыгивали на поверхность и летели прямо по воздуху. Вот еще один несчастный упал, и серебряное лезвие сверкнуло у его горла. Стордал, направив узкий луч револьвера на косяк рыб, расстроил их ряды; другой рукой он тем временем поддерживал раненого. Навстречу, увязая в грязи, брели поселенцы — к домам, на спасительную высоту свай. Но и на лестницах людей настигали серебристые убийцы. Отрегулировав револьвер на широкий луч ближнего боя, Стордал «изжарил» на лету еще один косяк. Спасать раненых было бесполезно: тех, кто падал в грязь, моментально накрывала стремительная серебристая волна, оставляя за собой кровавое месиво. Одной рукой цепляясь за перила, а другой отстреливаясь от подплывавших вплотную «ножей», Стордал наконец-то забрался в одну из хижин.

Погибло еще семь человек. В эту ночь колонисты подверглись тотальной осаде. Летучих рыб уже не останавливала высота

свай. Казалось, их привлекает свет из хижин; хищницы в виртуозном прыжке достигали окон и с размаху бросались на лампы. Шмякнувшись об пол, они еще долго извивались в агонии, пытаясь схватить своей пастью хоть что-нибудь съестное.

На следующее утро, едва дождавшись отлива, оставшиеся в живых колонисты бросились к машинам, которые стояли в миле от рисовых полей. К основной базе колонии ехали в молчании; то, что сперва показалось неприятностью, грозило обернуться полным поражением. На общем собрании было решено отложить работы в дельте до тех пор, пока не будет изобретено какое-то средство против летающих рыб. А приливы и отливы тем временем смывали следы безуспешной попытки переселенцев освоить эти места.

Мало-помалу трагедия стала забываться и к концу недели вчерашние страхи уступили место сегодняшним заботам. Оплакав погибших, обитатели новой планеты вернулись к прежней жизни. Как-то Алекс Стордал, улучив пару свободных часов, отправился прогуляться. Вершина холма, куда он вскоре добрался, была увенчана рощицей чашелистника, и Алекс остановился у ближайшего дерева. Он не без гордости глядел вниз, на зарождающийся поселок, на белые пятна домиков в долине. «Неплохо было бы придумать название нашей деревне, — подумал он, — пока кто-нибудь другой не перехватил идею». Как Главный администратор он имел полное право это сделать без разрешения сверху. Спонсор колонии, финансовый воротила Хедерингтон, явно проморгал возможность выбрать название для первого города на планете. Правда, он уже дал имя всей планете — Мэрилин, в честь своей молодой жены-блондинки и, по общему мнению, настоящей секс-бомбы. Стоя на холме, Алекс Стордал улыбнулся при воспоминании о Мэрилин, которую ему довелось видеть всего один раз.

В просторной долине расположились пятнадцать домов, увенчанных большими серебристыми куполами — колонисты так их и прозвали — «купола». Утреннее солнце планеты освещало своим необычным светом и густую зелень травы, и деревья с оригинальными листьями, похожими на чайные чашки. Маленькие грузовики-вездеходы кружились вокруг куполов, с этого расстояния люди казались муравьями. Сегодня на улице их было больше, чем обычно, видимо, из-за хорошей погоды, а также тесноты, царящей внутри куполов. В пятнадцати домах прожи-

меру, пользуется уважением и любовью, независимо от того, что он сам о себе думает. Нам следовало бы опекать аморфов, — он повернулся к Стордалу.

— Я тут недавно сказал, что всегда выигрывают такие люди, как Хедерингтон, а мы не в силах с ними бороться. Да, он победил в том смысле, что колония работает, как он хотел. Но мы — мы не проиграли. Теперь, когда родится этот ребенок...

— Вы не правы, — вмешался Моисей, — Хедерингтон проиграл дело. Он унес в космос микробы своего поражения в виде этого монстра — личного аморфа. Он не понимает, что создал существо с мощным и безжалостным интеллектом, которое вполне может выбросить его из руководящего кресла. Наша колония избавилась от великого зла и приобрела нечто совсем другое.

Дальше заговорил Сантана:

— Понимаете, это будет уникальный ребенок. Как правило, обычный аморф — это идеал, воплощение чьей-то мечты. У него нет знаний, но он способен учиться, хотя и страдает некоторыми слабостями. Теперь ясно, что люди и аморфы способны рожать детей друг от друга. Мы получим сочетание таких характеристик, которых нет ни у людей, ни у аморфов.

Поймите, — продолжал он, — аморфы больше заинтересованы в том, чтобы смешать кровь с людьми. Им поможет в этом их замечательный защитный механизм.

Этот ребенок, — улыбнулся Сантана, — эксперимент, поставленный самой природой. Прототип того, кто будет еще одним примером действия защитного механизма, свидетельством тяготения аморфа к людям. Его мать — типичный аморф, она добра, покладиста, она такова, какой ее хочет видеть Арнот Уолш. Но она уже закрепилась в этом образе, приобрела постоянство, и она родит ребенка, который изначально — индивидуальность.

Стордал почувствовал не то страх, не то восторг предвидения: он понял, куда клонит Сантана.

— Понимаете? Ребенок будет законченным идеалистом. Как отпрыск постоянного аморфа, он будет неподвержен влиянию человека, я в этом уверен. Это будет прямая противоположность чудищу, созданному Хедерингтоном, то есть он будет... доброжелательной, но самостоятельной личностью.

— А как воспримем его мы, люди? — спросил Стордал.

— Боюсь сглазить, я суверен как все мы, удаленные от Земли на несколько световых лет. Лично я отдам свою жизнь, если понадобится его защитить.

Эти пламенные слова врача убедили Стордала в том, что он принял правильное решение, оставшись на Мэрилин. Но тут Джоан в большом волнении схватила его за руку: Моисей шел к ним, неся на руках ребенка. Сморщив красное личико, он орал во весь голос, как любой другой новорожденный.

Мальчик.

Стордал внимательно осмотрел его — нормальный ребенок. Нормальный, если не считать одной особенности: он будет неспособен творить зло.

джинсы и ее обнаженное тело заблестело под дождем, она стала похожа на изваянную из мрамора статую.

— Не медли, прошу тебя, дорогой, — прошептала она. Сдвинув в сторону одежду, она легла на коврик и протянула ко мне руки.

Я смотрел на Сюзанну и растерянно бормотал что-то о том, что нас могут увидеть.

— Нас никто не увидит, — успокоила она меня. — Ты в *моем* круге. Это мой мир, и только ты можешь меня здесь видеть. Мы здесь совсем одни и уже успели переговорить об очень многом. Мой мир будет благодарен тебе, Джон, за всю информацию, которую ты нам дал... И за то, что еще сможешь для нас сделать. А теперь я прошу кое о чем для себя, потому что люблю тебя. Пожалуйста, Джон, прошу тебя...

Я лег с ней рядом, я целовал ее и любил, как она того хотела. Наши ласки были нежны и неторопливы. Мы не хотели спешить и продлевали каждую минуту нашей близости, несмотря на то, что шел дождь и небо над нами раскалывалось от раскатов грома.

Я был так счастлив, я не находил слов, чтобы сказать Сюзанне, как я люблю ее. Невозможно было описать выражение ее лучезарных глаз и ее лица в серебряных капельках дождя, когда она, вся светившаяся счастьем, смотрела потом на меня.

— Тебе пора уходить, милый, — наконец прошептала она.

Я попытался было спорить, но понял, что это бесполезно.

Натянув насквозь промокшую одежду, вздрагивая от озноба, я неохотно покидал ее мир.

В моем мире дождя не было, сияло чистое небо, и я невольно оглянулся на Сюзанну. Злой ветер метнул ей в лицо пряди мокрых волос и почти скрыл его от моего взора. Брызги дождя, летевшие в мою сторону, исчезали в ярде от меня. Я все еще слышал приглушенный рокот грома. Небо прочертил зигзаг молнии, сверкнувшей совсем близко, за кронами высоких деревьев, под которыми я оставил Сюзанну.

Внезапное предчувствие толкнуло меня снова за линию соприкосновения наших миров.

— Сюзанна! — отчаянно крикнул я. — Здесь опасно оставаться. Пойдем со мной.

— Я не могу, — ласково улыбнулась она. — Не забывай. — Она взглянула на часы. — Через минуту за мной придут.

Лицо ее снова стало серьезным.

— Береги себя. И... держись подальше от Билла Страттона. Обещай мне.

Когда я покидал ее, снова сверкнула молния, ветер быстро гнал тучи, приближалась буря. Я еще раз окинул взглядом бухту, два дерева и тропку, ведущую к отелю. Второй Сюзанны нигде не было.

Это означало, что моя Сюзанна не переступит черты и не покинет свой мир. Она никогда его не покидала.

Я вовремя оглянулся, чтобы еще раз увидеть яркий слепящий столб света, однако ничего не почувствовал. Я видел, как большое дерево вспыхнуло, подобно костру из сухого хвороста, и с оглушительным треском, словно взорвавшись изнутри, расщепился его ствол. Огромные его куски летели в разные стороны, но, не долетев до меня, куда-то исчезали. Раздался еще один приглушенный треск и слабый крик.

Я увидел, как моя Сюзанна в своем жестоком мире превратилась в горящий факел и бессильно рухнула на землю, когда обломок разбитого молнией дерева упал ей на голову.

Я успел увидеть это, прежде чем ее мир, мигнув, как падающая звезда, погас. Деревья моего мира стояли во всей своей красе, не тронутые бурей, и трава под ногами была сухой. Здесь не было дождя.

Не было и Сюзанны.

Глава 5

Был ранний вечер. Высокая трава тихо шелестела. С моря дул бриз. Я стоял, не двигаясь, опустошенный и разбитый. Ветер вокруг меня играл сорванными листьями.

Наконец я перебрался через развалины хижин и спустился к морю. Закурив, долго смотрел в темную глубину бухты. За холмами садилось солнце, потянуло холодком.

В бухте не было пляжа, узкая тропка спускалась прямо к воде. Глубина здесь достигала восьми футов. Было уже темно, и мне не удалось увидеть остов затонувшего парусника. Но я ярко представил себе ту роковую ночь, когда вдруг раздался скрежет напоровшегося на камни судна и треск рушившихся мачт. Видел ли эту трагедию тот, кто одиноко жил на берегу? Может, он стоял в ту ночь на пороге своего жилища, тревожно вглядываясь в темноту и слушая грозный грохот волн, разбивающихся о скалы? Брызги, словно дождь, обрушивались на крышу его маленькой хижины. Возможно, он также видел топовые огни парусника, или они ему померещились.

— Вот как? Вот как? Да, на собрании что-то насчет этого говорили. В целях экономии топлива лучше, если мы поменьше будем ходить по разным уровням... Вероятно, кто-то неправильно понял решение собрания. Речь шла только о желтых дверях. Да, видимо, в этом дело.

Отец поспешно удалился, что-то бормоча.

Я поднялся по лестнице; несмотря на теплую одежду, я пожегся при мысли о том, что обеспокоенное лицо отца чем-то напомнило мне тетю Зу. Воспоминание о том страшном вечере в Аликке прочно засело в мозгу — и вместе с ним кое-что еще, некий вопрос. Что-то связанное с сутью страха, с сутью легенд.

Дул сильный ветер, когда я закрыл за собой дверь и остановился, глядя на снег и на ограду. Я заметил, что железные ворота распахнуты настежь, грохоча на ветру. Больше ведь не от кого отгораживаться. Я подумал о Великом Локсе.

Каким образом легенда могла оказаться столь близкой к истине? Кем был тот человек, который впервые придумал историю о Великом Локсе Фу, вырывающем мир из щупальцев ледяного дьявола Ракса? А потом предположил, что однажды может начаться обратный процесс...

Наверняка это мог быть лишь человек, переживший предыдущий Судный день. Но как же он выжил, не имея в своем распоряжении никакой технологии? Техники быть не могло, иначе она оставила бы следы — в конце концов Великий Холод продолжался лишь сорок лет.

До меня дошло, что я куда-то быстро иду, а холод впивается в мой разум ледяными когтями — и я впервые подумал о том, *почему*, собственно, я боюсь холода. Мне говорили, что таков инстинкт. Как боль предупреждает человека об опасности, так и страх предупреждает его о замерзании. Но почему страх? Разве сам холод — не достаточное предупреждение?

Если только это не память предков, унаследованная от тех, кто пережил ужас последнего Великого Холода...

И тогда я понял, что в конце концов победил их всех, и громко рассмеялся, стоя посреди слепящего, пронизывающего холода. Им не удастся выжить; они слишком грубы, слишком эгоистичны, чтобы выжить в искусственной подземной норе. И даже если каким-то чудом им бы это удалось, то, когда солнце снова осветило бы их лица, они превратились бы в стариков, ужасно дряхлых стариков, выползающих на поверхность, рыдая от радости.

И даже их дети лишились бы детства и никогда не плавали бы на лодке, не смотрели бы на облака, не скользили бы по поверхности гroma. Да, они проиграли.

По мере того как холод вгрызлся в меня, перед моими глазами стояло видение красивой девушки, ногу которой ухватил ледяной дьявол; я видел, как она засыпает, а потом просыпается, целая и невредимая, не помня о том, что спала, не помня о прошедшем времени.

И недавняя картина — пустые хижины, пустые палатки...

И давным-давно — маленький мальчик, просыпающийся на пороге дома бодрым и веселым; а пока он спал, он не дышал, даже сердце его не билось...

И он не становился старше.

Мой разум начинал меркнуть, но я не чувствовал страха. Словно в тумане, я увидел Кареглазку, такую же юную, улыбающуюся мне под новым солнцем, обнимающую меня все с той же любовью. И это должно было наступить очень скоро, потому что во сне не оставалось воспоминаний...

Вскоре пришли лорины.

Харизма Майкла Коуни

Известный фантаст и литературовед Джеймс Ганн, автор энциклопедии фантастики, как-то опубликовал список: «Самые недооцененные авторы НФ». Речь шла о тех, чье творчество, по мнению Ганна, не имело большого коммерческого успеха, но оставило заметный след в истории литературы. Как раз на слово «литература» профессор Ганн особенно и напирал, составляя свой перечень незаслуженно забытых...

В этот список попал и Майкл Коуни, потому что без книг этого автора (из которых лишь одна завоевала высшую премию, да и то британскую) невозможно представить себе развитие англоязычной фантастики в 1970-е годы.

Майкл Коуни был писателем, а не автором бестселлеров, модных «хитов» сезона, коммерчески беспроектных серий или поделок на темы популярных фильмов или телесериалов, — вот в чем дело.

Майкл Грейтрекс Коуни родился 28 сентября 1932 года в одном из крупнейших английских городов — Бирмингеме, в семье зубного врача. Окончив местный колледж Короля Эдуарда, он два года отслужил в Королевских ВВС, а потом долгое время работал «по финансовой части» — аудитором, бухгалтером, финансовым аналитиком в различных английских фирмах.

А в 1969 году уже успевший опубликовать первые научно-фантастические рассказы финансовый аудитор, попробовавший также выступить в роли управляющего небольшой гостиницей в графстве Девоншир, неожиданно меняет привычный ему сырой, дождливый британский климат на райское блаженство далеких

тропиков. Коуни устраивается управляющим курортным отелем на острове Антигуа — тогда еще британской колонии, входившей в состав Антильских островов. На первый взгляд непере译имое название отеля «Jabberwock» оказалось по-своему символическим для начинающего фантаста, оно прекрасно знакомо всем, кто читал в подлиннике Льюиса Кэрролла. «Jabberwocky» — так в оригинале называлось бессмертное стихотворение, в переводе Маршака известное нам как «Бармаглот»...

Зов дальних странствий оказался непреодолимо сильным: в 1973 году Коуни навсегда покидает и свой солнечный остров в Карибском море, и родную Англию, переселившись на сей раз в Северную Америку. Писатель обрел постоянный дом на канадском острове Ванкувер — сравнительно малообжитом, покрытом нетронутыми заповедными лесами. Именно там, вплоть до выхода на пенсию в 1989 году, писатель Коуни работал управляющим Службы охраны леса провинции Британская Колумбия.

От острова Ванкувер до крупного американского города на северо-западе США, Сиэтла, рукой подать. Поэтому Коуни, оставаясь британским подданным и проживая постоянно в Канаде, считается одновременно как бы и американским писателем (по крайней мере, состоит он по сей день в профессиональной Ассоциации писателей-фантастов США, а не Великобритании). Хотя всякий, кто понимает разницу между «одноязычными» литературами Старого Света и Нового, услышит в творчестве Коуни специфический европейский акцент.

В литературе он дебютировал известным нашему читателю рассказом «Симбиот», опубликованным в 15-м выпуске регулярных английских антологий «Новая научная фантастика». Случилось это в 1969 году. Через несколько месяцев увидел свет еще один рассказ — «Шестое чувство», а к концу следующего десятилетия о Коуни уже говорили, как об одном из ведущих писателей-фантастов Великобритании.

Сам он рассматривал свои занятия литературой, как удовольствие — доставляемое себе и читателям. «Моя цель, — заявлял Коуни, — развлекать не только других, но и себя самого. Все мои романы написаны на разные темы, и я постоянно пытался варьировать свой стиль и манеру, но одному следовал неизменно: каждая книга должна содержать какую-то загадку, почти детективную тайну, распутывать которую доставит удовольствие моим читателям да и мне самому. Я не пренебрегал в своих произведе-

ниях и любовной линией, и психологией, и даже малыми дозами науки; но все же главной задачей считал загадывание разных каверзных задачек».

Коуни привлек внимание читателей и критиков первым же опубликованным романом — «Зеркальный образ» (1972), который известен нашим читателям под названием «Воплощенный идеал». Сюжет этой психологически густой, насыщенной книги закручивается вокруг открытия земными колонистами на одной из планет цивилизации разумных существ — «аморфов». Эволюция выработала у них своеобразный защитный механизм: при появлении неизвестных и, возможно, представляющих опасность «чужаков» аморфы немедленно мимикрируют в образы, для пришельцев самые что ни на есть милые, желанные, симпатичные. После чего новый дом превращается для колонистов в сущий рай — а как иначе назвать жизнь, в которой тебя окружают одни только безропотные и исполнительные слуги, преданные супруги да верные до гроба «братья наши меньшие»! Другое дело, что все это — лишь на первый взгляд, и платить за «утопию» рано или поздно, но придется...

В дальнейшем Коуни упоминает мир аморфов в двух других романах: «Бронтомех!» (1976) — как раз и принесшем автору единственный литературный трофей, Британскую премию по научной фантастике, — и «Сизигия» (1973). В последней книге ситуация напоминает классический рассказ Азимова «Приход ночи», только на сей раз землян ждет на далекой планете куда более «камерное», по космическим масштабам, зрелище: все шесть лун данной планеты выстраиваются над одним из полушарий. Последний раз подобное расположение светил имело место пятьдесят два года назад, и что тогда произошло с миром, освещаемым сразу шестью лунами, какие вызвало последствия, колонистам неведомо.

Не менее экзотичным выглядит мир далекой планеты в романе «Здравствуй, лето... и прощай» (1975). Планета, на которой разворачивается действие романа, входит в систему двойной звезды, причем оба светила регулярно «перетягивают» планету друг у друга. Это сопровождается приливными эффектами, вызывает на планете катаклизм — похолодание, наступление ледника. Впрочем, экзотический мир далекой планеты для Коуни — лишь сцена, на которой он разыгрывает чисто человеческую драму: любви и ненависти, преданности и предательства. По крайней

мере, любовная история «инопланетных» (на самом деле, как почти во всех произведениях Коуни, это потомки земных колонистов) Ромео и Джульетты остается одной из самых ярких и самобытных в литературе, где лирика долгие годы вообще считалась чем-то надуманным, откровенно лишним.

По мнению многих — в их числе признанный мэтр британской научно-фантастической литературы и критики Брайан Олдисс, — вершиной творчества Коуни стал роман «Харизма» (1975), с которым читатель только что имел возможность познакомиться под названием «Особый дар». Роман — самое лиричное, пронзительное и психологичное произведение в творчестве Майкла Коуни и, как мне кажется, самое близкое ему по духу. Читатель оценит сюжетную изощренность развернувшейся детективной истории, в которой каждое «ружье стреляет», а каждый узелок не только крепко завязан, но и своевременно автором развязывается.

Из произведений совсем иного плана можно отметить сатирический роман «Друзья являются в ящиках» (1973), в котором весьма оригинально решаются две проблемы: демографическая и личного бессмертия! Каждого гражданина по достижении им сорокалетнего возраста подвергают хирургической операции: его мозг пересаживается в череп шестимесячного новорожденного, а спустя сорок лет все повторяется...

К концу 1970-х годов Коуни уже утвердил себя — вместе с Эдмундом Купером, Ричардом Каупером, Кристофером Пристом, Дэвидом Гаем Комптоном, Бобом Шоу и Иэном Уотсоном — в первых рядах британской фантастики, прямо не ассоциировавшихся с «Новой Волной». Однако влияния последней Коуни избежать не удалось, хотя он попробовал заняться литературным «серфингом», явно припозднившись!

«Мне кажется, — признался Коуни в одном из интервью, — мои ранние романы были слишком консервативны. Под этим я понимаю следующее: я был слишком прикован к известным данным различных наук, к тому, что мы слишком некритически называем „объективной реальностью“. В то время как уважающему себя писателю-фантасту следует как раз все время подвергать эту „объективную реальность“ сомнению, критическому анализу, ставить над ней эксперименты».

В начале 1980-х годов Коуни выпустил серию книг, ни по стилистике, ни по тематике абсолютно не похожих на его ранние романы. Новый цикл писателя «Песнь Земли», представлявший странную интригующую смесь научной фантазии и мифологиче-

ской фэнтези*, состоит из дилогии — «Небесный паровоз» (1983) и «Боги великого исхода» (1984), а также самостоятельного романа «Кошечка Карина» (1982), связанного с первыми двумя временем и местом действия: мифической Землей далекого будущего. Она населена разными видами разумных существ: «истинные» люди отошли от какой-либо активной созидательной деятельности, утопив себя в наркотическом трансе и лишь немногие пытаются отыскать в «сети альтернативных реальностей» (Ifalong — этот неологизм можно условно перевести как «если-бывки») некие новые основополагающие цели для угасающего в галлюцинаторном дурмане человечества...

Несомненное достоинство Коуни как писателя — его редкая на фоне многих коллег стойкость по отношению к главному соблазну коммерческой литературы: в чем, в чем, но в «серийном» грехе писатель не замечен. Некоторые его произведения связаны (да и то чрезвычайно слабо) единым пространством-временем, но вот нудно разрабатывать однажды удачно найденную жилу — вплоть до полного ее истощения, — видимо, не в натуре Майкла Коуни.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы в своем творчестве он шел всегда своим самобытным путем. За сюжетной коллизией «Зеркального образа» незримо присутствует Филип Дик, за типичным британским романом о глобальной катастрофе «Дети зимы» — Джон Кристофер, а за «Кошечкой Кариной» — Кордвайнер Смит. Кроме упомянутых романов «Сизигия» и «Здравствуй, лето... и прощай», неизбежны ассоциации с Азимовым при чтении рассказа Коуни «Страдания Ракуны Три», а с Хайнлайном и Олдиссом перекликаются романы «Герой холмистых дорог» и «Последние джунгли» (да еще, пожалуй, рассказ «Темница мысли»).

Только Коуни не просто переписывал предшественников, но наполнял их старые мехи новым вином! Собственно, в этом достоинство литературы, а не в новизне. Ведь и Шекспир, если вспомнить, не из головы выдумал историю своего мстящего за смерть отца принца Датского...

Автор статьи о Майкле Коуни во втором издании фундаментального труда «Писатели-фантасты XX века» (1986), Майкл Торли, писал: «Коуни был весьма продуктивным автором научной

* Редкие экскурсы Коуни в жанр чистой фэнтези ограничены двумя книгами на тему легенд о короле Артуре — «Гном по имени Фанг» (1988) и «Король острова Скипетра» (1989). (Прим. автора)

фантастики в середине 1970-х годов и, кажется, в последующее десятилетие снова активно возвращается в литературу, поразив даже видавших виды читателей новым циклом произведений „Песнь Земли“... Писатель благодарен фантастике за то, что она позволяет пролить новый свет на старые проблемы. Кому-то могут понравиться изобретательные выдумки Коуни — вроде его „небесного паровоза“ или необычайных приливных эффектов на планете двух солнц; но мало найдется таких, кто посмеет отказать британскому автору в умении увлечь и развлечь читателя. В этом качестве Майкл Коуни заслуживает того, чтобы мир научной фантастики его заново открыл».

Увы, предсказание критика по поводу возвращения Коуни в научную фантастику, кажется, не сбылось. Однако и того, что он оставил в 1970-х, достаточно, чтобы помнить его книги и перечитывать их. В этом многих «хитов», гремевших, кажется, ему могут позавидовать и авторы еще совсем недавно.

1998 г.

Содержание

ВОПЛОЩЕННЫЙ ИДЕАЛ	
<i>Перевод Э. Башиловой</i>	5
СИЗИГИЯ	
<i>Перевод В. Боруна, Н. Борун</i>	129
БРОНТОМЕХ!	
<i>Перевод В. Боруна, Н. Борун</i>	281
ОСОБЫЙ ДАР	
<i>Перевод Т. Шинкарь</i>	501
ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО... И ПРОЩАЙ	
<i>Перевод К. Плешкова</i>	701
Вл. Гаков. ХАРИЗМА МАЙКЛА КОУНИ	879